

Мария Вязьменская

Дюймовочка в железном бутоне

Семейная история

12+

Мария Моисеевна Вязьменская Дюймовочка в железном бутоне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57119590

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть-воспоминание о детстве маленькой девочки, у которой умерла мама, и ее жизни в ленинградском интернате в пятидесятые годы прошлого века.

Содержание

Глава первая: ул. Марата	4
Отступление: очередь на подписку	8
Продолжение главы: ул. Марата	16
Отступление: игрушка Дюймовочка	23
Глава вторая: я, мама, бабушка, Мудровы	26
Отступление: удаление гланд	30
Продолжение главы: я, мама, бабушка, Мудровы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава первая: ул. Марата

Меня зачали, когда папа уже болел туберкулёзом, заразившись от соседки по квартире, но они с мамой ещё не знали об этом. У них были две маленькие дочери, и мама сомневалась, рожать ли ещё одного ребёнка в тяжкие послевоенные времена. Она собиралась найти повивальную бабку, промышлявшую опасной помощью невольницам сталинского закона, запрещавшего аборт – вождь заботился о репродукции населения, значительно уменьшившегося за время войны, а может, сама знала народные средства, помогающие избавиться от нежелательной беременности, но папа, как он рассказывал мне, увидел во сне свою мать, мою бабушку Мусю-Хая, предрёкшую, что зачатый ребёнок займёт особое место в его жизни. Как все мужчины, он, ничтоже сумняшеся, решил, что покойная мать пророчит ему наследника – ребёнка мужского пола, и потому решительно пресёк попытки жены избавиться от меня или, если быть корректной, от плода, который впоследствии развился, сформировался и явился миру младенцем, к величайшему сожалению разочарованного отца, женского пола, то бишь мною.

Помня, хоть и не о провидческой, но, по крайней мере, о сновидческой связи родившейся дщери с его покойной матушкой, папа нарёк меня Марией – русским эквивалентом библейского имени Мириям, от которого происходит первое

бабушкино имя Муся. В советские времена бабушку тоже именовали Марией Моисеевной Вязьменской, так что я оказалась полной ее тёзкой.

Наиглавнейшее событие моей жизни – появление на свет – произошло в городе Новосибирске, где семья оказалась из-за папы, который, будучи топографом-изыскателем, прокладывал в тайге линии электропередач и в 1946-1948 годах возглавлял геодезическую партию, искавшую трассу для новой высоковольтной линии в восточной Сибири. Мама с дочерьми сопровождала мужа в экспедициях: в их ленинградский дом попала бомба, и кроме поисковых партий семье попросту негде было жить.

В послевоенные годы вернуться в Ленинград можно было только по разрешению властей, и начальство Теплоэлектропроекта (ТЭПа), где папа трудился с 1936 года, выхлопотало для семьи инженера Вязьменского высочайшее дозволение вернуться в восстанавливаемый город. В ноябре 1948 года родители с нами тремя – мал, мала, меньше – вернулись из Новосибирска в Ленинград.

Семья поселилась в двух смежных комнатах громадной коммунальной квартиры на улице Марата. *Дом двенадцать, квартира тринадцать*, как считалочку детства, помню с тех пор. Странное сочетание цифр в номерах дома и квартиры поразили мою тридцатипятилетнюю маму. Наверно, в те жёсткие, трудные времена ей не хватало лёгкости и шалости в окружающей жизни, и она сама послала себе письмо, от-

правив его по адресу: *здесь, ул. Марата, дом дюжина, квартира чертова дюжина.*

Я спрашивала папу, что она написала в нем: «Кажется, вложила в конверт пустой листок». Ну да, шалость, шутка, а, поди, знай, чем она могла обернуться в те годы.

Мне до сих пор радостно слышать название улицы, на которой я жила в раннем детстве – *Ма-ра-та*... Папа рассказывал о Великой Французской революции, о каком-то Марате, убитом в ванной, но непонятная страшная история совершенно не подходила к нашей светлой широкой улице. Я думала, ее назвали в честь месяца марта *Мартовской*, только лишняя буква А затесалась в серединку названия. Существуют же буквенные прятки: город—град, морок—мрак, ворог—враг. Мне почему-то долго казалось, что *март* и *Марат* так же прячутся друг за друга.

Пройдя подворотню дома двенадцать, вы оказывались в одном из классических петербургских дворов-колодцев, с четырёх сторон ограниченных стенами дома. В центре двора стоял флигель с большим нарядным подъездом, где в широком проёме пологой мраморной лестницы еще сохранился давным-давно сломанный, когда-то роскошный лифт с кабиной из красного дерева и чугунной вязью дверей. В пятидесятые годы заброшенный лифт терзали лишь местные ребятишки, продолжая разрушение старого мира, начатое их дедами.

Вход в ту часть дома, где располагалась наша квартира,

как и подъезд флигеля, находился во дворе, только, в отличие от оно́го, наш не отличался парадностью – в квартиру тринадцать входили с чёрного входа.

В левой стороне грязного и тёмного подлестничного пространства имелся подвал, после войны превращенный в квартиру на семь-восемь семей, в которой наша семья прожила десять лет.

Одна из комнат, в которых мы жили, была вытянута в длину и имела два окна, смотревшие на улицу, вторая, примыкавшая к первой, уходила вглубь квартиры и была без окон. В светлой комнате вдоль стен, как в сказке про трех медведей, стояли три кровати, на которых спали мы, девочки. Между окнами размещался письменный стол, где Наташа, старшая из сестёр Вязьменских, делала уроки. Потом ему пришлось подвинуться, чтобы поместился второй, поменьше, для Милы, мне отдельного стола не завели и, когда я пошла в школу, то с домашними уроками справлялась по очереди с Милой: Наташа считалась уже взрослой девушкой, и ее пенаты для нас, малявок, были запретными.

Отступление: очередь на подписку

Мы с Милой общались с детьми Весниковых: Митяй – он, правда, имел другую фамилию, своего отца, первого мужа их матери Вали – дружил, да что там *дружил!* – был отчаянно влюблён в нашу Милу, а его младшая единоутробная сестра Таня, дочь второго Валиного супруга, мужского закройщика Весникова, *играла* со мной. В детстве мы определяли отношения – я с тобой *играю*, я с тобой не *играю*. До дружбы ещё нужно было дорасти.

Семья Весниковых отличалась от нашей. Энергичная решительная Валя – в квартире ее звали Валькой – принадлежала к породе *бойцовых* особей. Она громогласно и твердо руководила супругом и детьми, позволяя, не позволяя, страшая, покрикивая, улещивая, к тому же ни на минуту не переставая скрывать, что ее муж принимает частные заказы и шьёт мужские костюмы и пальто. В те годы по сигналу соседей вездесущие налоговые инспектора могли нагрянуть к любому закройщику или портному. Обнаружив у бедняги несколько недошитых вещей, его облагали таким драконовским налогом, что вынуждали день и ночь трудиться на государство, причём вырваться из крепостной зависимости не удавалась никому. Скрыть, что Весниковы живут в достатке в нищие послевоенные годы в коммунальной квартире было нереально. Поэтому бдительная Валька с соседями старалась

дружить, чтобы не донесли.

С ее сыном Дмитрием – Митяем, как мы его звали в детстве, я однажды столкнулась неожиданно близко во взрослой жизни.

Мой отец – преданный читатель и почитатель книг, выйдя на пенсию в 1973 году, устроился работать в отдел «Книга-почтой» большого книжного магазина, который находился недалеко от его дома в Весёлом посёлке. В семидесятые годы прошлого века хорошая литература практически не выставлялась на полки книжных магазинов, а продавалась *по благу* или, как говорили, *из-под прилавка*. Папа справедливо рассудил, что работа в книжной торговле увеличит его шансы на приобретение дефицитных книг. И действительно, время от времени ему выпадало что-нибудь интересное – недоступное обыкновенному покупателю. В начале октября 1976 года в Ленинграде объявили подписку на пятидесяти-томное издание «Всемирной детской литературы». Моей дочери Тане было четыре года, Милиному сыну восемь, и мы с сестрой мечтали подписаться на многотомник, что даже теоретически выглядело непросто.

При каждом книжном магазине существовала постоянная группа людей, которые точно знали, когда и на какое собрание сочинений будет производиться подписка. Они организовывали очередь, являясь на переключки, отмечая присутствующих и вычёркивая не пришедших, то есть держали процесс приобретения подписного издания в своих руках

и под своим контролем. Как я понимаю, папа поддерживал связь с организатором такой очереди у их магазина. Взамен оказанных услуг – то ли книжек, то ли сведений о поступлении новинок – он получил для нас номера в очередях на подписку «Детской литературы». Для Милы – у себя, для меня – в аналогичной очереди у магазина «Подписные издания», который находился на Литейном проспекте недалеко от Невского.

– У тебя номер двадцать, – сказал отец. – Переключка сегодня в двенадцать дня. Никуда не отлучайся, там очень жёстко. Могут следующую проверку устроить через час. Выбросят из очереди и все! Второй раз я ничего не смогу сделать. Лучше никуда не отходи.

– Папа, я же работаю! Танечка в детском саду! Коли нет, он в Корвале, как я справлюсь одна?

– Я подъеду к тебе на Литейный, возьму ключи и заберу Таню из садика. На работе договорись об отпуске на три дня. Всего-то трое суток постоять! Зато потом будешь получать каждый том и радоваться. Астрид Линдгрен. Сельма Лагерлеф, «Маленький принц», «Мэри Поппинс». Какие книги! Кстати, подойди к ответственному за вашу очередь и скажи ему спасибо. И от меня передай привет.

– А кто это? Он тебя знает?

– Ещё бы! Он и тебя знает!

– А кто это, папа?

– Подойди-подойди, увидишь.

Молодого симпатичного держателя очереди звали Димой Петренко. Переключку проводил он, и, произнеся мою фамилию Вязьменская, оторвался от лицезрения списка и внимательно посмотрел мне в лицо. Я улыбнулась ему, благодаря за себя и за папу. Я никогда не видела его прежде. После переключки он подошёл ко мне сам.

– Тебе привет от моей сестры Тани, – произнёс он. Я не понимала, о какой Тане он говорит.

– Мы были вашими соседями на Марата, неужели не помнишь?

– Господи! Ты – Митяй? И Таня Весникова – твоя сестра... Помню, конечно, помню!

Теперь я поняла, о ком говорил папа.

– Тебе привет от моего отца. И спасибо от нас обоих. – Я не понимала, как, что, почему? Как папа нашёл Митяя? Что это значит – Митяй и книги? Почему он *держит* очередь на подписные издания?

Отец оказался прав. Приключение под названием *подписка на «Всемирную детскую литературу»* длилось ровно трое суток, которые я единственный раз в жизни почти полностью провела на улице. Днём сидя, ночью лежа на скамейках, которые на счастье тогдашних моих сумасшедших соотарищей – интеллигентов? люмпенов? – стояли вдоль забора Куйбышевской больницы, или стоя около здания нашей вожделенной цели – магазина «Подписных изданий». Папа привез мне одеяло, я использовала его то по назначению, то

как накидку. В пирожковой на Жуковского мы покупали жареные пирожки с ливером, хотя уставшее тело, промёрзшее и саднящее в каждой мышце и косточке, бунтовало против еды. Голос осип, от сигарет разболелась голова, саднило горло, я мечтала только о горячей ванне и горячем какао.

Когда ко мне подошёл Митяй? Кажется, во вторую ночь. Мы сидели вдвоём на скамейке почти в полной темноте, только фонари на правой стороне Литейного отбрасывали на нас неоновый свет.

– Я знаю, Мила стоит в очереди в Весёлом посёлке, – вдруг сказал он.

– Ну да. Я тут, а она около родителей. Нельзя же было в один магазин вдвоём стоять.

– Я помню тётю Таню, – вдруг сказал он. – И тебя маленькую. Всю вашу семью. Мы вас очень жалели.

Я молчала, что тут сказать...

– Как там Мила? – Вдруг тоскливо спросил он. Я удивилась его тону, но стала рассказывать, что наши мужья, как на зло, уехали за грибами в Корвалу, и нам с Милой пришлось стоять в очередях самим. Никто не знал, что будет подписка.

– А ты откуда знал? Ещё и очередь организовал... Я совсем не представляла, что это ты, – улыбнулась я в темноте.

– Ещё бы! – Вдруг зло сказал Митяй, – вы одни такие умные, интеллигентные, книжки читаете! А мы быдло рядом с вами! Твоя сестра даже не захотела в моей очереди стоять!

Я изумилась его скрытой ярости.

– Да мы вообще не знали, что ты здесь заправляешь...

– Это ты не знала.

Он встал и пошёл к магазину, где переминалась часть будущих подписчиков, а я вдруг вспомнила, как на Марата он за дверью поджидал, когда Мила пробежит по коридору, чтобы выскочить за ней следом. Мы с его сестрой играли у них в комнате.

– Жених! – Фыркала Танька...

Кто-то, знавший Петренко по предыдущим очередям, рассказал мне, что он занимается книжным бизнесом – в те годы существовал термин *спекуляция* – покупает несколько подписок, а потом перепродаёт их *втридорога*. Но книги любит, много читает, библиотеку имеет знатную.

Накануне подписки наши старшие, и Дима Петренко среди них, провели перекличку и на четыре часа отпустили домой перемерзших подопечных. Я жила за станцией метро Автово на улице Морской пехоты – от Литейного проспекта добираться сорок пять минут. Два часа чистого времени – мои. Я стояла под душем, превозмогая боль – ледяное тело и горячая вода отвергали друг друга. Кажется, я обожгла кожу. Ничего, пройдёт, главное – теперь я чистая. Все-таки ужасно – двое суток не мыться! И что-нибудь горячее выпить. Молока нет, какао не сварить. Ладно. Вместо какао большая чашка чая с малиновым вареньем и термос с собой. Все. Пока. Завтра подпишусь и приду спать. Папуля, спасибо! Танюша, не скучай, у тебя теперь будет много замечательных книжек.

Я тебе потом расскажу. Спи. Я поехала.

Ночью откуда-то возникла вторая очередь. Их привели, когда мы уезжали домой. Мы стояли с одной стороны от входа, они с другой. Стоявшие впереди напирали на противников, стараясь занять позиции поближе. Началась перебранка и вялые оскорбления. Старшие очередей собрались на военный совет. Митяй стоял в их группе, а мы – рядовые люмпены-интеллигенты волновались за свои номера. Достанется мне подписка или нет? Сколько всего их будет?

Через два часа старшие договорились объединить очереди через одного. Кто-то стал выкликать фамилии и закреплять за нами другие номера.

– Запомните их, по ним вы будете завтра входить в магазин. Никуда не отлучайтесь, чтобы нашу очередь не рассеяли люди, которые вообще не стояли, а пришли или придут в последний момент. Из очереди отходите по одному. Сохраняйте порядок.

Митяй отыскал меня, прислонившуюся к стене здания, среди остальных стоявших и позвал покурить.

– Не волнуйся, твой номер пройдёт. Если больше не увидимся, отцу от меня

привет. – Его голос совсем осип. Похоже, Митяй отсюда не отлучался, пока мы разъезжали по домам.

На следующий день усталые замёрзшие клошары входили в тёплую обитель «Подписных изданий» и хриплыми го-

лосами провозглашали присвоенные номера. Господи, спасибо тебе, что мне удалось дотянуть до конца, что мучилась я не напрасно. Я заплатила за последний пятидесятый том «Всемирной детской литературы», получила квитанцию на остальное издание – ура! – и поехала домой. Спать. Митяя я больше никогда не встречала.

Продолжение главы: ул. Марата

Папа работал недалеко и обедать приходил домой. На первое мама подавала пустые кислые щи без мяса, а на второе — гречневую кашу с маслом. К моему детскому изумлению папа сгребал кашу в щи и с аппетитом ел густую гречнево-кислокапустную похлёбку.

– Эх, вкусно-то как! – Воскликнул он специально для меня. – Попробуй сама!

Но я предпочитала есть по отдельности – щи на первое, кашу на второе.

– Ты – урод и ноги до полу, – причмокивал папа.

– Почему до полу? – Недоумевала я.

– Потому что по полу люди ходят, а если не ты ешь, то и ходить не сможешь.

Иногда мама готовила кролика, мясо которого мне не нравилось.

– Не хочу зайца! – Противилась я.

– Какой же это заяц, – пыталась отговориться мама, – это же курочка. Вот у Милы крылышко. Посмотри сама.

Мила демонстрировала какие-то косточки, призванные доказать их принадлежность к классу птиц, и я, недоверчиво разглядывая свою порцию, начинала ковыряться в ней.

– А где грудка? – Вопросила я с сомнением.

– Мы ее ещё не съели, – отвечала мама.

У птиц ключицы срастаются вместе и образуют вилочку. Мама научила нас шуточному соревнованию – двое тянут за тонкие концы вилочки, пока она не сломается, а побеждает тот, у кого останется большая часть косточки с передним утолщением. Мила крепко держала конец куриной вилочки, предлагая мне тянуть за вторую половину, на что я в силу азартного характера всегда с готовностью соглашалась, и сестра раз за разом одерживала победу. Секрет был прост: кто тянул, тот и ломал косточку со своей стороны, а Мила как старшая знала об этом.

Эта же косточка смешно подпрыгивала на столе, когда ее связывали ниткой, ставили тонкими концами на поверхность стола и осторожно нажимали на утолщение посередине. Прыг! Прыг! Прыг! Худой скелетообразный ящер на высоких ногах скачет по саванне в поисках добычи.

- Машук, за столом не играют! – Это папа обедает с нами.
- Когда я ем, я...

Улыбается он, делая паузу перед второй частью сентенции, чтобы я закончила ее сама.

- ... глух и нем, – радостно подхватываю я.

Помимо игр за столом нельзя чавкать, греметь ложкой в тарелке и со звуком втягивать в себя чай или суп.

- Вотерлифт! – повышал голос папа.

С раннего детства я знала, что *вотерлифтом* называется водяной насос, при работе издающий сильное бульканье и свист.

Если первое предупреждение пролетало мимо ушей нарушительницы застолья, папа, не торопясь, облизывал ложку, делая вид, что вот-вот щёлкнет ею по лбу провинившейся дочери. Один раз он действительно хлопнул меня по лбу – не больно, в шутку, но помогло. Показалось обидным, и в следующий раз возгласа *вотерлифт* хватило.

Папа любил незамысловатые словечки и поговорки, которые помогали ему подчеркивать определенные жизненные ситуации.

После обеда: *«брюхо лопнет, наплевать, под рубашкой не видать!»* А после чая: *«удивительно, Мари Димитрина, чай тила, а пузо холодное!»* С чем-то не согласен, фыркнет: *«новое дело, поп с гармонью!»* Если я спрашивала, куда он идёт, он всегда отвечал: *«на Кудыкину гору»* – причём я твердо верила в существование Кудыкиной горы и мечтала когда-нибудь пойти туда вместе с папой.

На моё *нет* он отвечал: *«не гнед, а вороной»*, и я долго не могла понять, о чем он говорит. Наташа объяснила, что *гнедой* и *вороной* – масти лошадей, и я всерьёз размышляла, понял ли папа, когда я сказала ему нет. Я ведь не имела в виду лошадей, почему же он решил, что мы говорим о них?

А любимый папин стишок! В свое время он декламировал его каждой дочери, и лишь потом я обнаружила, что это текст шуточной песенки Леонида Утесова.

Чуки, чуки, чуки, чуй!

На дороге не ночуй!

Едут дроги во всю прыть
могут детку раздавить.

А на дрогах сидит дед
Двести восемьдесят лет,
И везёт на ручках
Маленького внучка.

Ну а внучку-то идёт
Только сто девятый год,
И у подбородка
Борода коротка...

А как папа переименовывал наши имена! Наташу до самой смерти звал *Натошак*. Милу – *Миськой*. Меня – *Машук*.

– На Кавказе есть гора Машук. Там погиб Лермонтов, – рассказывал он мне. – По-моему, лестно называться именем высокой знаменитой горы. Вот меня, например, называют Момкой. Мом – это имя греческого бога иронии и насмешки, и я стараюсь соответствовать ему.

Я, правда, не совсем понимала, что значит – соответствовать горе. Даже, если ее название немножко созвучно моему имени. Лишь, когда в четвёртом классе новая подруга начала звать меня *Машиной*, а родная тётка, мамина сестра, тётя Наташа стала дразнить *Манюней* – как дрессированную собачку всесоюзно-знаменитого клоуна Карандаша, я оценила сдержанность и благородство данного папой прозвища. *Ма-*

шу-у-ук. Почти *Су-о-о-ок*, которую я любила. Сестра Наташа сшила мне костюм куклы, в которую переделась Суок, чтобы проникнуть во дворец трех Толстяков, и мы с подружкой, нарядившейся наследником Тутти, завоевали первое место в школе на костюмированном балу, посвящённом Неделе книги.

Самым вкусным ощущался ломоть булки или чёрного хлеба, намазанный маслом и посыпанный сахарным песком. Ещё до моего рождения маленькая Мила прозвала деликатес – *буля-маля-потипа* – что означало – *булку с маслом посыпать*.

Ещё я любила *толокно*. Вообще-то *толокно* представляло собой овсяную муку, из которой полагалось варить кашу или кисель, но тёплый жидкий клейстер, в который превращается *толокно*, если заварить его в горячей жидкости, я не могла проглотить. Мама придумала иной рецепт – она вымешивала *толокно* со сливочным маслом и сахаром до однородного теста, и я с удовольствием уплетала сладкое овсяное месиво.

Следующей вкуснятиной считался *гоголь-моголь*. Мама ложкой растирала желтки с сахарным песком почти до белого состояния, означавшего, что крупинки сахара полностью растворились в яйце, и я наслаждалась, как говорил папа, *ёдовым*. Первая буква — *ё* с точками – для пушного ударения и усиления эффекта. *Ёдово* действительно получалось вкуснейшее.

Из белков мама иногда пекла *безе* – маленькие, сахарные,

бело-коричневатые печенюшки. У нас их никогда не называли *меренги*, как потом назвала их тётя Лида, привезя мне целую коробку в интернат.

Неизвестные лакомства я не любила. Один раз в детском саду нам на третье дали по целому блюду мытого, мокрого изюма. Сперва я с лёгким чувством брезгливости смотрела на сморщенные коричневые ягоды-горошины. Воспитательница уговорила меня взять одну в рот. Она-де сладкая, вкусная, мне обязательно понравится. Я взяла. Склизкая, с костью внутри, полусохшая винограда, которую я вынужденно проглотила, не посмея выплюнуть на глазах чужого взрослого, заразила меня таким отвращением к изюму, что я не поборолла его за целую жизнь.

Во второй раз это была конфета-помадка. Кто-то из гостей принёс нам коробку, где каждая бело-розовая конфета лежала в отдельной бумажной гофрированной розеточке.

– Машенька, возьми помадку и скажи тете Гале спасибо.

За краешек бумажной обёрочки я осторожно подняла пахучую пуговицу конфеты. Сладкий густой запах защекотал мозжечок, вызывая тошноту. Мне не хотелось класть ее в рот.

– Ну что же ты? Это конфета, съешь! – Я подчинилась.

Никакой отравы помадка не содержала – остальные домочадцы с удовольствием пили чай с принесёнными конфетами – лишь моё предубеждение против сильного кондитерского запаха вызвало внезапное желудочное расстройство.

Много лет я не могла не то что попробовать помадку – подумать о ней! Мгновенно накатывала тошнота – настолько сильны детские образы, превратившиеся в клише.

Сахарный песок мама хранила в большой бело-голубой супнице, которая не использовалась по назначению, поскольку суп по тарелкам разливали прямо из кастрюли, где он варился. Супница входила в прелестный сервиз, предназначенный для повседневного пользования и изготовленный ещё до революции на фарфоровом заводе купца Кузнецова. Наташа, главная сластёна семьи, открывала импровизированную сахарницу, засыпала в рот большой серебряной ложкой песок и с наслаждением перемалывала его белыми зубами.

Однажды я оказалась вместе с ней возле *сахарохранилища*, и она поднесла мне ложку с песком. Сладкий, колючий, непослушный, он полез за щеки, посыпался в горло, запачкал все вокруг... Я закашлялась, подавилась, с трудом проглотила – мне не понравилось. С булкой и маслом вкуснее!

Отступление: игрушка Дюймовочка

Зимой не то 1954, не то 1955 года к нам в гости из Москвы приехал бабушкин муж Александр Николаевич Калинин. Маме и трем девочкам Александр Николаевич привез по коробке шоколадных конфет «Мишка на Севере». В продолговатой белой картонке, на которой чёрными штрихами был нарисован белый полярный медведь, лежало десятка два конфет, похожих на нынешние вафли в шоколаде. Конфеты стоили дорого, родители их не покупали, а Александр Николаевич, выйдя в отставку в чине полковника, получал приличную военную пенсию и мог позволить себе произвести впечатление на дочь и внучек любимой супруги.

Наташа съела шоколад сразу, едва открыв подаренную коробку. Я тоже взялась за своего «Мишку», попробовала – вкусно! Мне не хотелось тут же съесть остальное, и Наташа, как положено старшей сестре, отлично знакомой с повадками младших, наклонилась ко мне, заслонив от прочих домочадцев:

– Отдай, Маняшка, ты же больше не съешь.

Мне, и правда, было не до конфет.

Кроме сладостей я получила настоящую Андерсеновскую Дюймовочку. Восхитительную игрушку! На конце неболь-

шой металлической речки, выкрашенной в темно-зеленый цвет, находился плотно закрытый бутон с зелёными лепестками. Другой конец речки заканчивался кнопкой, соединённой со спиралькой. Когда на кнопку быстро надавливали несколько раз подряд, спираль сжималась, бутон начинал вращаться, его железные лепестки расходились в стороны, и внутри открывалась крошечная фигурка Дюймовочки, неподвижно стоящей в центре. Малюсенькая глиняная куколка: выкрашенное голубым платьице, жёлтые волосы. Я влюбилась в нее. Мелькали лепестки, крутилась металлическая чаша, заслоняя *крохотулечку* от бесцеремонных детских рук.

– Маша не трогай, тебе разобьёт пальцы!

Как я мечтала погладить ее! Немножко, чуть-чуть...

Мне не нужны конфеты, пусть их возьмёт Наташа.

– Маша, садись за стол. Положи Дюймовочку. Иди пить чай.

– Не хочу чая.

С тихим, едва слышным жужжанием лепестки разлетались в стороны. Я смотрела на замершую, испуганную девочку – может, это жужжат крылья большой чёрной жучихи, которую мы обе не жалуем? Вдруг она спикирует с потолка, украдёт Дюймовочку и утащит в жены своему противному жученку?

– Маша, сколько раз я должна говорить – мыться и спать!

Чай выпит, мама собирает посуду, складывает пустые картонки от «Мишки на Севере» – все съели по одной, Наташа

остальные. Александр Николаевич ушёл, обещал зайти перед отъездом, а бутон все крутится, крутится, и притихшая Дюймовочка терпеливо ждёт своей участи.

– Я тебе в тысячный раз говорю! Спать сейчас же!

Мама, за день невероятно усталая и к вечеру уже раздражённая, не выдерживает, хватает игрушку, с силой бросает на пол и каблуком топчет, топчет, топчет ее...

Искорёженные металлические лепестки разлетелись в стороны, спиралька отскочила и укатилась под кровать, глиняная куколка превратилась в горстку разноцветной пыли. Нечего даже погладить пальцем, как я мечтала.

Гадкая чёрная жучиха не уволочёт Дюймовочку к своему жученку. Толстая жаба и слепой крот не подкрадутся ночью к моей кровати. Легкомысленный эльф не дождётся суженой. Не прилетит Дюймовочка в страну эльфов. Ее больше нет. И никогда не будет. Ее растоптала мама.

Глава вторая: я, мама, бабушка, Мудровы

Себя маленькую помню чаще всего больной. Каждая скромная простудка, как только моё детское тельце просто-душно впускало ее переночевать, устраивалась в нем надолго, ни за что не собираясь покидать приглянувшееся гнёздышко. Она развёртывалась с размахом – *жаль, королевство маловато!* – забиралась во все отдалённые уголки моего организма и становилась отпетой хулиганкой. По ночам с восторгом барабанила в ухе какими-то острыми палками, обдирала горло наждачной бумагой и развешивала на нем бурые водоросли, забивала нос противными зелёными пыжами – как будто он был ружьём, с которым она собиралась на охоту. Если бы не мама, моё слабенькое тело пропало бы от непосильной борьбы с наглой оккупанткой.

Любую простуду, грипп или ангину мама прогоняла теплом, горячим молоком с малиновым вареньем, каплями датского короля от кашля, горчичниками, водочными компрессами и камфорными каплями в ухо. Она убаюкивала поселившуюся во мне заразу терпением и любовью, которые та принимала на свой счёт. Глупая болезнь нежилась, жмурилась, капризничала и таяла, таяла, таяла – пока от нее не оставались сопливые следы на моих платках и пустые фла-

коны от капель и пилюль.

Помню тепло маминого тела – наверно, я у нее на коленях – ее руки держат перед моим лицом книгу братьев Гримм «Горшочек каши». Бумага грубая, жёлтая, почти серая, но рисунки Конашевича славные, хоть и не цветные, а черно-белые. Жила-была девочка. Пошла она в лес за ягодами и встретила там старушку. Угостила девочка старушку спелой лесной земляникой, и старушка подарила ей взамен волшебный горшочек. Стоит только сказать: раз, два, три, горшочек, вари! И горшочек начинает варить вкусную, сладкую кашу.

– Манную? – Спрашиваю я.

– Манную, манную, ты же любишь манную, – отвечает мама. Ухо у меня

забинтовано, пахнет камфарой, спиртом, мне тепло и хочется спать.

– Каша ведь горячая, как они могут ходить по ней? – Удивляюсь я, пока мама укладывает меня в постель и подтыкает одеяло.

– На нее ветерок подул, и она остыла. Спи, – отвечает мама.

Из серьёзных болезней и операций случилось мне при маме пережить скарлатину и удаление гланд. Прививок от нее ещё не было, и скарлатина являла собой серьёзную болезнь, иногда с летальным исходом. У меня поднялась температура, заболело горло, трудно было глотать. Наверно, на второй

день появилась сыпь – именно по ней диагностируют заболевание. За мной, четырехлетней, приехала машина «Скорой помощи», меня укутали в одеяло, положили на носилки и задвинули внутрь медицинского фургона. В больнице я провела около месяца. Мама присылала передачи, в них были игрушки, карандаши, альбом для рисования и книжка «Дядя Степа». Михалкова я знала наизусть и читала стихи другим детям, вовремя переворачивая страницы. Когда выписывали, ничего не разрешили забрать – считалось, что вещи сохраняют инфекцию чуть ли не вечно, однако я почему-то знала, что их нагревают в специальном шкафу и потом возвращают играть детям, которые лежат на отделении.

Пока я обитала в стационаре, в квартиру на Марата приезжала бригада из санэпидстанции и облила дезинфицирующим раствором вещи, стены и полы в наших двух комнатах. Игрушки и книжки, до которых я дотрагивалась, больная, увезли.

– Они заразные, с ними нельзя играть, – позже объяснила мне мама.

Я маялась без любимой куклы – дочки-подружки тряпичной Любы, вымазанной йодом, зелёной и фиолетовыми чернилами. Любу мне подарили на Новый год, она лежала в большой картонной коробке рядом с записочкой — *Кукла Люба. Упаковица Иванова.*

Имя Люба мне очень нравилось. Мила в школе на детских праздниках замечательно читала стихотворение Агнии Бар-

то «Любочка».

Синенькая юбочка,
Ленточка в косе.
Кто не знает Любочку?
Любу знают все.

Кроме героини стихотворения, тётёй Любой звали жену дяди Вити Перетти, куда мы с мамой часто ходили в гости. Она была закройщицей и портнихой дамского платья, шила на дому и, похоже, имела успех: бывая у Перетти, я много раз видела молодых женщин, приходивших на примерку.

В начале пятидесятых годов мама тоже пошла учиться шитью в Дом офицеров, и среди многочисленных образцов воротников, карманов и манжет, которые задавали на курсах, смастерила моей кукле Любе халатик, который легко снимался и надевался – немаловажный фактор при медицинской направленности моих игр.

Я с наслаждением раздевала куклу, и, изображая врача, прикладывала трубочку-стетоскоп к ее оголённому туловищу, ставила бумажки-горчичники на грудь и с упоением делала уколы в мягкую тряпочную попку. Стетоскоп, если не путаю, подарил мне один из *пользовавшихся* меня врачей.

Отступление: удаление гланд

Доктора были интереснейшей частью бурлящей болезнями жизни! Особенно я благоволила к врачам-мужчинам, которые обращались ко мне с вопросом: «Ну, как *мы* себя сегодня чувствуем?» Я совершенно не полагала, что это *мы* объединяет меня с доктором, и он, мол, спрашивает меня о нашем общем самочувствии. Напротив, я смутно ощущала, что обращение Мы заменяет уважительное Вы, с одной стороны не положенное мне по возрасту, а с другой, тем не менее, заслуженное мною благодаря болезням.

К пяти годам я переболела скарлатиной, несколько раз ангиной, и, чтобы стрептококковые инфекции не довели ребёнка до ревматизма, родителям посоветовали удалить мне гланды. Доктора, к которому меня повели, звали *ухогорлоносом*, и я заранее воображала симпатичного взъерошенного человечка с широким уплощенным носом – должен же он быть похож на животное *утконос*, иначе, зачем бы его звали почти так же?

– Открой шире рот. Скажи, *а-а-а-а-а* – обратился ко мне *ухонос*, примериваясь нажать плоской деревянной палочкой от эскимо на корень моего языка.

– Ох, какая молодец! Даже палочка не понадобилась. Держи в подарок, – протянул мне *горлонос* неиспользованную палочку и обратился к маме, – да-а-а, а гланды у нас, однако,

большущие... Надо оперировать.

– Это совсем не больно! – Уверял папа. – Мне тоже удаляли гланды и после операции дали целый килограмм мороженого.

– Растаявшего? – С недоверием взирала я на папу. Обожая мороженое, я пробовала его только в виде растаявшей и нагретой до комнатной температуры молочной лужицы. Одна из сестёр дала мне лизнуть краешек эскимо, и с тех пор я мечтала о замороженном сливочном счастье.

– Наоборот! Настоящего холодного-прехолодного мороженого! Всех сортов! —

Прищёлкнул языком папа.

– Мало того. После операции у тебя никогда не будет ангины, и ты сможешь часто лопать мороженое.

Замаячивший сливочный рай и серьёзное умное слово *операция* по отношению ко мне, маленькой и младшей в семье, заморозили меня. Я отправлялась в больницу, предвкушая интереснейшее приключение.

Меня усадили в высокое кресло с поднимающимся сидением и обернули белыми простынями, как мумию. Худые запястья и лодыжки привязали ремнями к подлокотникам кресла и перекладине внизу.

– Чтобы мы случайно не дёрнулись, – объяснил мне уже покоривший меня врач. Я не собиралась дёргаться, мне было ужасно интересно! Вот она моя вожаделенная *операция*!

– Шире рот... Молодец! – Хирург ловко вставил распорку

между моими зубами, не позволявшую сомкнуть челюсти. Слюна разом потекла из всех шести желез.

– Ничего-ничего, пусть течёт, – ободрил врач. Ассистирующая сестра промокала капавшую слюну марлевыми салфетками.

– Сейчас я попрыскаю тебе в горло, и оно чуть-чуть замёрзнет, хорошо? – Предупредил хирург. Я кивнула, радуясь сотрудничеству с доктором, бывшим со мной на Мы. Горло онемело, даже слюна перестала течь.

– Теперь я беру инструмент, – посвящал меня врач в детали операции. Передо мной появились блестящие, серебристые, по-видимому, ножницы с привычными кольцами для пальцев, но не с обычными прямыми концами, а как бы с двумя половинками еще одного кольца, гораздо более широкого и заканчивающегося острыми зубчиками. Ра-а-а-з! Хирург ловко всунул ножницы в распахнутый пятилетний рот, захватил в нем что-то, повернул, откусил зубастыми краями кольца и шмякнул в белую эмалированную почку кусок кровавого мяса.

– У-у у! Какая большая! – Удовлетворенно выдохнул он. Поток, как мне показалось, слюны, устремился внутрь горла, я захлёбывалась жидкостью. Ужасный интерес сменился ужасом пойманного в капкан ребёнка.

– Сейчас, сейчас! Потерпи, осталась ещё одна, – врач снова полез ножницами в истерзанный рот. Все удовольствие от приключения исчезло, было больно и хотелось выплюнуть

проклятую распорку, чтобы проглотить, наконец, жидкость, которой я давилась. Вторая окровавленная гланда упала из кольца ножниц рядом с первой.

– Все-все, прижём ранки, чтоб не кровоточили, и станет легче. Как много крови!

– Не глотай, выплюни, – сестра прижала к моему освобождённому рту белую хирургическую почку. Сплёвывать было больно. Глотать тоже. Я тихо плакала от обиды и обманутых ожиданий. Папе, наверно, никогда не вырывали железы, если он считает, что ЭТО не больно.

Мама сидела у моей кровати и ложечкой отковыривала кусочки желтоватого сливочного мороженого.

– Машенька, открой рот, ты же любишь мороженое! – Уговаривала она. Я пыталась лизнуть кусочек. Отменный сливочный вкус ласкал обиженный язык, но глотать не хотелось, и я отворачивалась от мамы.

– Ты так отважно перенесла операцию! Совсем не плакала. А теперь не хочешь проглотить мороженое? – Улыбнулся подошедший хирург. – Мороженое должно заморозить ранки, которые остались после удаления желез. Когда ешь мороженое, они заживают быстрее. Поняла?

Поняла и, хотя не простила врачу-*утконосу* обмана, который ощущала смутно и горестно, не умея объяснить почему, я открыла рот и проглотила несколько ложек мороженого.

Продолжение главы: я, мама, бабушка, Мудровы

Сидя дома с больной дочерью, мама постоянно что-то шила. Окончив курсы кройки и шитья, она надеялась стать домашней портнихой, чтобы как-нибудь облегчить финансовое положение семьи.

Совет научиться шитью маме подала тётя Люба, которая будучи домохозяйкой, давно и успешно шила на заказ женский *конфекцион*.

В ее квартире на Маяковского стоял чёрный манекен – я побаивалась его, представляя, как будет неприятно, когда он молча шагнёт ко мне. Иногда, стоя рядом с мамой, я с восхищением следила, как ловкие руки тёти Любы укладывали на чёрном теле манекена кусок красивой материи, закалывали его булавками, и вместо безголового тулова возникала фигура женщины в нарядном платье. После того, как мама пошла на курсы шитья, у нас на Марата поселился близнец тетилюбиного манекена. Его я опасалась чуточку меньше, все-таки он был нашим – ручным домашним болваном. Я даже булавки в него втыкала! И он ни разу не ойкнул. Правда, без мамы я все же старалась не проходить вблизи от него – вдруг он захочет пойти за мной? И лишь когда мама оставляла на манекене раскроенное платье, преобразившее надменное тулово

в подобие человека или в объёмную вешалку для одежды, я переставала его бояться.

Кроме манекена в портняжном хозяйстве мамы было ещё одно существо, с которым у меня сложились собственные отношения. В швейной машине «Зингер» тонкая деревянная фигурка, напоминавшая скульптуру Джакомоетти, соединяла педаль с маховым колесом. Почему-то я была убеждена, что эта прикреплённая к железным частям машины деревянная деталь и есть *Зингер*. Единственная нога человечка упиралась в педаль, руки с двух сторон утолщённой и закруглённой головы-балясины – во втулку махового колеса, и, когда мама жала на педаль, *Зингер* быстро-быстро скакал на тонкой ноге, крутя перед собой большущее колесо. Машина стучала, гремела, татакала пулемётом, и, сидя на маленькой скамеечке, я заморожено вглядывалась в отчаянную скачку кавалериста. Закончив шитье, мама высвобождала приводной ремень и разрешала поиграть с *Зингером*. Я осторожно нажимала на педаль или, наоборот, тихонечко трогала колесо – *Зингер* послушно дёргался вслед, медленно и лениво. Я изо всех сил раскачивала педаль, он убыстрял бег, но ненамного, не желая лететь и скакать, как с мамой.

Обычно «Зингер» стоял у стены тёмной комнаты: мама укладывала меня и Милу спать, а сама портняжила и строчила на швейной машине до поздней ночи. Однажды утром «Зингер» почему-то оказался придвинутым почти к самой двери в коридор. Мама что-то дошивала – на откидной доске

швейной машины лежало несколько больших полотен красного цвета, к краям которых мама приторачивала широкую чёрную ленту. *Зингер*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.